

СИСТЕМА СОВЕТОВ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ И ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Важнейшая проблема первых послереволюционных лет: как соединить лозунг широкой самодеятельности народа с необходимыми решительными мерами по борьбе с процессами распада в стране. Подобные задачи стоят перед любым государством в переломные эпохи истории. События 1917 года привели к возникновению по всей стране новой государственной структуры – системы Советов. Первоначально казалось, что именно эта система сможет обеспечить действительно новый тип государства, свободного от бюрократизма, позволяющего преодолеть отчуждение народа от власти. Советы 1917 года были, по сути, свободными и неформальными собраниями без ясно очерченных функций. Местный Совет сосредотачивал всю власть на своей территории, а Всероссийский съезд Советов состоял из делегатов местных съездов. Соединение Советами трех властных функций должно было позволить избавиться от армии чиновников, действующих в отрыве от избираемого представительного органа и неподконтрольных ему.

Советы стали органами народной власти и народного самоуправления на местах. В соответствии с решением III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10-18 января 1918 года все местные дела должны были решаться исключительно местными Советами. Дореволюционные органы самоуправления – городские думы и земства – были поглощены Советами или ликвидированы. Формирование системы Советов продолжалось до лета 1918 года. Частые выборы в Советы, ответственность избранных депутатов перед избирателями, отчеты депутатов перед избирателями, возможность отзыва в любое время должны были отличать советскую систему от буржуазных демократий.

Отправным пунктом советской системы являлся не отдельный активный гражданин, образующий вместе с другими гражданами неорганизованную массу народа, а первоначальные организованные ячейки граждан – Советы деревенские, городские, фабрично-заводские. Систему органов советской республики можно классифицировать следующим образом: во-первых, сами Советы (сельские и городские) как первоначальные органы республики; во-вторых, органы, образуемые Советами, то есть различные съезды Советов, которые, в свою очередь, разделяются на местные, то есть волостные (районные), уездные, губернские (окружные, краевые, областные) и т. д. и, наконец, в-третьих: органы, образуемые съездами Советов (исполнительные комитеты, президиумы, Советы народных комиссаров).

Первоначально прямые выборы (насколько их вообще можно было назвать выборами) практиковались лишь в советах низшего звена. Советы более высокого уровня (съезды Советов) формировались делегированием депутатов от Советов низшего уровня. Такая система позволяла влиять на результаты выборов: в крестьянской стране съезды Советов высшего уровня получали большинство рабочих делегатов.

Каждый Совет и каждый съезд Советов являлись в пределах предоставленной ему компетенции высшей властью на соответствующей территории села, волости, уезда, губернии, области, республики и т.д. Таким образом, каждый элемент советского государства обладал полным правом самоопределения. Советская политическая система принципиально отрицала всякое разделение властей и всякую специализацию функций. Если каждая часть советского государства являлась в пределах своей компетенции высшей властью в своей территории,

то в то же время у каждой части не было ровно никакой твердо определенной и гарантированной компетенции. Получалось, что любой исполнительный комитет, начиная с центрального исполнительного комитета Союза и кончая исполнительным комитетом волости, обладает той же компетенцией, что и самый избравший его съезд Советов.

Система Советов мыслилась как альтернатива «буржуазной» системе разделения властей: Советы рассматривались как средоточие не только законодательной, но и исполнительной власти. С одной стороны, тем самым воплощалась в жизнь концепция прямого народовластия. Но, с другой стороны, неизбежным следствием этого был полный паралич системы иерархической подчиненности. Каждый Совет создавался как орган прямой демократии и обладал всей полнотой власти на своей территории, а, следовательно, вступал в конфликт с Советом, чья юрисдикция распространялась на ту же территорию, то есть с Советом более (или менее) высокого уровня.

Идеализированное представление о власти Советов не выдерживало испытания действительностью. Постепенно Советское правительство начинало понимать, что никакие экономические меры невозможны до тех пор, пока лозунг «Вся власть – Советам!» понимается зачастую в том смысле, что никакой власти, кроме местного Совета, признавать не следует. Советская Россия распалась на целый ряд как бы независимых друг от друга республик. Местные Советы называли себя «совнаркомы». На местах вводились налоги, реквизировались здания, обобществлялись предприятия. Особенно опасно то, что перехватывались эшелоны с товарами и продовольствием, предназначенным для других районов страны [1]. Тенденция «самостийности Советов хотя и служила убедительным доказательством глубины революционных изменений в обществе, но несла в себе смертельную опасность. Остановить хаос и анархию в стране было невозможно, пока каждый исполком местного Совета мог заявить, что «приемлет декреты центральной вла-

сти постольку, поскольку они для него приемлемы» [2].

Кроме того, действительность гражданской войны вносила коррективы в развитие советской системы. Обстановка в стране продолжала ухудшаться. Революционный оптимизм натолкнулся на суровую реальность. Кризис в экономике, разруха и голод, стихийное, неуправляемое развитие экономики и политических процессов рождали разочарование, колебания и неверие в собственные силы. В результате демобилизации огромная масса людей вынуждена была теперь искать источник существования. Выросла социальная напряженность. Если до весны 1918 года главной целью большевиков было прорвать цепь капиталистических государств, выступить в роли запала мировой революции, то теперь ситуация изменилась. На первом плане оказался вопрос о том, как удержать власть, как повести дальше революционные преобразования и стабилизировать обстановку.

Весной 1918 года стало ясно, что только сильная центральная власть в состоянии была обеспечить восстановление разорванных экономических связей. Требовалось обуздать анархию и прекратить продолжавшиеся повсеместно захват и реквизицию государственных запасов и грузов, которые направлялись в адреса голодающих губерний. Не случайно поэтому весну 1918 года в исторической литературе называют временем альтернатив и исторической развилки [3]. Именно в этот период закладывались корни явлений политической жизни, основания структур новой власти, политических методов последующих лет.

Весной 1918 года Советское правительство постепенно встает на путь применения чрезвычайных методов. Политика большевиков все больше подчинялась суровой логике самой жизни. Перераспределение полномочий в пользу вышестоящих инстанций породило противоречия между центральной властью и губернскими Советами. Весной Советы ряда губерний, где большинство делегатов представляло интересы крестьянства, приняли постановления об отмене твер-

дых цен на хлеб. Разрешена была свободная торговля. Реакция из Москвы последовала в виде декрета 13 мая о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию и особенно декрета ВЦИК и СНК от 27 мая 1918 года о реорганизации Наркомпрода и местных продовольственных органов. Последним устанавливалось подчинение всех губернских и уездных продорганов не местным Советам, а непосредственно наркомупродовольствия, который также получил право в случае необходимости отменять постановления Советов и входить во ВЦИК с предложением о передаче их суду.

Чтобы обеспечить представителям рабочего класса большинство в Советах, первая Конституция РСФСР узаконила специфическую избирательную систему, включавшую неравные, открытые, многоступенчатые выборы, непропорциональное представительство на съездах Советов для жителей города и деревни. Кроме того, сами съезды Советов все дальше и дальше склонялись к одному обсуждению и одобрению политики верхов и не могли претендовать на выработку решений (отчасти в силу склонности к митинговой демократии, а главное, из-за слабой компетентности большинства делегатов). В итоге власть в центре и на местах сосредотачивалась в руках исполкомов Советов и узкого круга их руководителей. Особенно ярко этот процесс просматривается на взаимоотношениях центральных органов. ВЦИК получил почти все полномочия Всероссийского съезда Советов, а затем и сам стал утрачивать свои властные функции, уступив назначаемому им же Совнаркому, то есть правительству. Именно Совнарком занял постепенно центральное место в структуре высших советских учреждений. Такая система позволяла быстрее и эффективнее решать текущие задачи, но вела к отрыву Советов от масс.

Зарождение и нарастание централизма в структуре Советов обуславливалось также высокими темпами национализации промышленности и огосударствления различных сфер экономической

жизни, что вело к разбуханию управленческого аппарата. С трудом подавив саботаж чиновников, большевики были вынуждены взять курс на их массовое привлечение к управлению государством. Неизбежным следствием этого явилась система назначения управленцев сверху, отмена их выборности. Положение Ленина о полной выборности, сменяемости в любое время всех без изъятия должностных лиц обернулось назначениями, перебросками советских работников по классовому принципу. С апреля 1918 года была введена повышенная оплата труда специалистов. Часто в советские структуры приходили случайные, малограмотные люди, карьеристы.

Рост симпатий к большевикам в первые месяцы после Октября к весне 1918 года резко упал. Настоящим камнем преткновения между большевиками и другими партиями, даже близкими им тогда левыми эсерами, стал Брестский мир, который не нашел полного понимания даже среди самих большевиков. Теперь, как правящая партия, большевики вынуждены были взять на себя целый ряд непопулярных решений.

Не имея устойчивого большинства в Советах, с весны 1918 года большевистское руководство дает установку на частичное перераспределение функций от Советов к партии. На VII съезде РКП (б) в марте 1918 года Я. М. Свердлов, председатель ВЦИК, отмечал, что теперь перед партией стоят задачи «проделать значительную часть работы, которую проделывали до сих пор Советы». Это положение было продублировано в циркулярном письме ЦК РКП (б) [4]. Новый курс был обусловлен не только тем, что в результате отвлечения лучших сил на советскую работу «партийные организации захирели». Сами Советы, как признал в одном из своих выступлений тот же Я.М.Свердлов, не всегда могут проводить решения «так резко и так открыто». Этим предстояло заняться партии [5].

В июле 1918 года V съезд Советов, как известно, принимает первую Советскую Конституцию, где декларировалось, что вся власть в центре и на местах при-

надлежит Советам. Однако расширение функций центрального госаппарата, появление военных и чрезвычайных органов, не контролировавшихся местными Советами, вело к снижению роли последних в политической системе.

В советской республике самоуправлялись села, города, волости, уезды, губернии. Возникал вопрос, кто же при такой государственной структуре являлся действительным носителем власти? Какие органы существовали номинально, какие действительно властвовали? В советской системе реально властвовал тот орган, который имел более длительное существование. Съезды Советов собирались по конституционным правилам раз в год, а фактически гораздо реже. Как правило, это были большие торжественные собрания, насчитывающие тысячи делегатов. Заседали они несколько дней, постоянной работы не вели, заслушивали доклады и составляли резолюции. Фактически властвовали бы ЦИКи, но и они собирались сравнительно редко и передавали свою власть избираемым ими президиумам и Советам народных комиссаров.

В итоге властными структурами стали президиумы ЦИКов и существующие наряду с ними Советы народных комиссаров. Они приводили в действие государственную машину. Вместе с тем исполкомы Советов и Советы народных комиссаров по составу своему являлись как бы официальными отделами коммунистической партии. Партия стала той неофициальной организацией, которая формировала советское правительство и производила неофициальное назначение в его высшие коллегии. Но партия, в свою очередь, опиралась на свои руководящие органы: съезд, центральный исполнительный комитет, партийные бюро и т.д. Эти органы постепенно и стали неофициальным правительством России.

Брестский мир, продолжавшееся падение промышленного производства, нарастание продовольственного кризиса, голод, безработица и, как следствие, усиление процессов централизации, свертывания демократии – все это способство-

вало изменению политических настроений не в пользу большевиков. Этим стремились воспользоваться оппозиционные партии в своей борьбе за массы. Особенно острыми их выступления стали с началом кампании по перевыборам в Советы.

Так, еще в феврале 1918 года РСДРП (объединенная) выпустила специальную листовку к перевыборам в Советы под красноречивым названием – «Советы в большевистском плену», в которой меньшевики обрушились с суровыми обвинениями на большевистскую партию. Она, по мнению большевиков, низвела Советы «до роли простого штемпеля»: диктуемые сверху декреты и решения «прокатываются» без обсуждения. Кроме того, большевики «подтасовывали себе большинство», проводя в Советы солдат больше, чем рабочих, и Советская власть все более вырождалась в «солдатскую власть» [6]. Листовка сообщала о многочисленных нарушениях порядка перевыборов в Советы, когда красногвардейцы не допускали предвыборных собраний, арестовывали ораторов не большевиков, объявляли выборы недействительными. Были случаи, когда депутаты большевики отказывались и после перевыборов сложить с себя полномочия. Большевистские члены Совета делались практически несменяемыми [7].

Меньшевикам вторили правые эсеры. Их лидер В. М. Чернов в своей статье, посвященной Советам, писал: «Логическое развитие формулы «Вся власть - Советам!» последовательно столкнуло их со всеми органами демократии». Далее, по его мнению, этот процесс должен логически завершиться принципиальным отрицанием демократизма и всеобщего избирательного права. «Но Советы, – подчеркивал В. М. Чернов, – суть рабочие парламенты. Природа всякого парламента – выборность, а стало быть, изменчивость состава в зависимости от изменчивости политических настроений рабочего класса. Превращение же их в органы новой государственности, воплощающей идею диктатуры, то есть в высшей степени централизованной власти, предлагает

послушное проведение ими на местах единой линии поведения. Между тем и другим существует абсолютное противоречие, и это противоречие должно найти и находит свое разрешение в уничтожении демократических начал внутри самих Советов. Советы как органы власти постепенно бюрократизируются, отрываются от масс, противопоставляются им, делаются начальством. Правда, начальством демагогическим и охлократическим, но тем более самодурным и безудержным в деле правительственного терроризма» [8].

В марте 1918 года из состава СНК в знак протеста против заключения Брестского мира вышли левые эсеры. Нараставшие противоречия завершились вооруженным мятежом в июле 1918 года. Левые эсеры, бывшие соратники по блоку в Советах, выдвинули большевикам обвинение в попрании демократических прав и свобод. В открытом письме в ЦК партии большевиков в ноябре 1918 года лидер левых эсеров Мария Спиридонова заявила: «Для того, чтобы Советская власть была барометрична, чутка и спаяна с народом, нужна беспредельная свобода выборов, игра стихий народных, и тогда-то и родится творчество, новая жизнь, ... и только тогда массы будут чувствовать, что все происходящее – их дело, а не чужое». Мария Спиридонова считала, что сложившаяся в стране система состоит из «назначенцев, приставов и жандармов из коммунистической партии» [9].

В ответ на меры по ограничению демократии стоявшие в оппозиции к большевикам партии перешли к непарламентским действиям. Такие действия власти всегда вызывают аналогичную реакцию оппозиции. Так, например, еще 29 мая 1918 года меньшевистское Московское областное бюро РСДРП приняло решение, предписывающее организациям партии в случае «возникновения стихийного движения не уклоняться от участия в нем, стремясь занять положение идейной руководящей силы» [10]. Толковать это указание иначе, чем призыв к борьбе с Советами, по-видимому, невозможно.

Правительство Комуча в Самаре, состоявшее из правых эсеров и меньшевиков, объявило призыв в свою Народную армию, начавшую военные действия против Советской Республики. В ответ 14 июня 1918 года решением ВЦИК Советов меньшевики и правые эсеры были исключены из Советов всех уровней. После июльского мятежа левых эсеров большевики заняли положение монополюс правящей партии. В ноябре 1918 года все социалистические партии вновь были легализованы, но уже действовали под мощным политическим и государственным правящим прессингом. В итоге Советы практически уже не могли обеспечивать полноценный диалог различных политических сил.

На VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 года Ю.О. Мартов предупредил о том, что никакие увещания и понукания сверху не помогут ослабить зло бюрократизма, если все больше будет воспитываться в массах уверенность, что дело управления есть удел одного лишь привилегированного сословия коммунистов.

С другой же стороны, на той же почве возрождаются и укрепляются воспитанные столетиями царского и крепостного рабства апатия масс, паралич гражданского сознания, готовность переложить всю ответственность за свои судьбы на плечи правительства. И, наконец, на той же почве бюрократического вырождения власти и обывательского вырождения граждан создается возможность образования государства в государстве – превращения в самодовлеющую и всевластную силу тех органов репрессий и полицейского надзора, которые породила гражданская война [11].

Меньшевики требовали демократизации советской конституции, организации действительной ответственности всех органов власти перед рабочими и крестьянскими массами и подотчетности их представителям, правильного функционирования и регулярных перевыборов Советов, равенства прав всех трудящихся города и деревни, свободы печати, союза и собраний, неприкосновенности лично-

сти, гарантированной подсудностью всех граждан одним и тем же народным судам, действующим на основе точных законов, отмены бессудных расправ, административных арестов и правительственного террора [12].

Через год на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года Ф.И. Дан снова заявлял, что советская система парализована, на местах Советы совершенно перестали собираться – за них действуют самовластно исполкомы и президиумы [13]. Через три месяца с заявлений о том, что Советы не выражают волю рабочих и крестьян, начинается Кронштадтский мятеж.

Но большевики также видели нарастание опасных тенденций. С одной стороны, централизм они считали единственным выходом из положения в стране. Об этом Ленин говорил на заседании Московской общегородской конференции РКП (б) 18 января 1919 года [14]. Конференция решительно высказалась против попыток умалить права партии по отношению к фракциям Советов [15]. С другой стороны, большевистская партия видела и серьезную опасность бюрократизма, о мерах по борьбе с которым говорилось на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 года [16].

В речи на Московской губернской конференции РКП (б) 21 ноября 1920 года Ленин прямо заявлял о том, что «бюрократизм возродился и нужна систематическая борьба против него». Более того: «...возродившийся в советских учреждениях бюрократизм не мог не оказать тлетворного влияния и среди партийных организаций, так как верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же» [17].

Советская система действовала, поскольку за кулисами Советов действовала система партийной власти. В рамках партийной иерархии разрешались те конфликты, которые не в состоянии была разрешить иерархически аморфная система Советов. Партийные органы обеспечивали подчинение местных властей общегосударственной власти, без которо-

го страна не могла существовать как единое целое.

Это таило опасность и для большевистской партии, которая превращалась в административную структуру. Приход к власти альтернативной политической партии предполагал бы в этих условиях установление контроля над аппаратом партии правящей, то есть был возможен лишь в качестве внутрипартийного переворота. При подобной политической системе любые другие партии должны были стать лишним элементом. Уничтожалась и внутрипартийная демократия, так как внутри административного аппарата, которым становилась партия, для оппозиции места нет и быть не может.

Было бы неверным возлагать всю ответственность за то, что политические процессы в стране пошли так, а не иначе, только на большевистскую партию и ее политику. Нельзя забывать, что ситуацию в стране создал взрыв негодования народных масс против порожденных войной авторитарных форм. Чтобы выбраться из этого положения, большевикам, как новой власти, приходилось прибегать к самым жестким методам. О настроениях того времени ярко свидетельствовал в своих воспоминаниях А. И. Деникин: «Разлитая повсюду безбрежная ненависть ... ко всему, что было социально и умственно выше толпы. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», ... рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек... Царило одно желание захватить или уничтожить, не подняться, а принизить до себя все, что, так или иначе, выделялось. Бедная демократия! Не та, что блудит словом в Советах и на митингах, а вот эта сермяжная, серошинельная» [18].

Парадокс в том, что массовая демократия и пробуждение политической активности больших людских континентов зачастую несут в себе антидемократические семена. Это чревато охлократией, которая готовит почву для других властных структур. Массовые демократические движения либо подавляются,

либо трансформируются в организации, подвластные контролю «сверху» [19].

Большевики стремились к созданию прочной и стабильной центральной власти. Одним из первых в исторической науке пытался осмыслить сущность советского строя и его политические возможности историк, философ права, один из идеологов евразийского движения Николай Николаевич Алексеев в своей работе «На путях к будущей России», которую он писал уже за пределами России. Участник гражданской войны профессор Н.Н. Алексеев был вынужден эмигрировать за границу.

Оценивая основные недостатки и преимущества советской системы, он писал, что в формах новой власти «не было ничего, что не вытекало бы из законов социальной необходимости. Коммунисты во многом принуждены были поступать так, как поступила бы каждая партия, очутившаяся длительно у власти в период острого революционного процесса. Советское государство есть, прежде всего, государство с сильной властью. Как бы мы ни расхоронились в определении будущего политического строя России, мы не можем не признать, что в ней возможен только политический строй, обладающий такой сильной властью. Сказанное обуславливается тем, что Россия не успокоилась еще от революционных бурь, и тем, что Россия искони привыкла к сильной государственной власти, и тем, что по громадным размерам своим она может быть связана и удержана только сильной властью» [20].

Закономерным в данных исторических условиях считал Алексеев и то, что власть в советском государстве находится в руках одной партии, которая действует как единоличный диктатор, так как благодаря этому она является сильной властью. Алексеев напоминает, что в любом государстве существует правящая группа, несущая на плечах своих бремя государственной власти. Исторически группа эта по большей части состоит из интеллигенции данного народа, иногда воплощавшей в себе все, что в народе

было лучшего, иногда же и не отличающейся особыми доблестями и талантами.

Государства отличаются лишь характером правления такой группы: где правящая группа была достойна своего призвания, там она мудро ведет государство; где нет – там государство прозябает и впадает в постоянные бедствия. Реально государство невозможно, если в нем правящей группы нет. В этом смысле можно утверждать, что диктатура неотделима от государства как реального явления общественной жизни. Кроме того, существовали государства, носившие имя республик и деспотизмом своим превосходящие власть единого тирана. Качество государства зависит не от внешних его форм, а от внутренних отношений правящих к управляемым. Государство хорошо, когда управляется на началах социального служения и жертвенности, плохо, когда оно управляется на начале личной пользы властвующих.

Политические партии играли в западных демократиях роль организующего начала. Голосующий гражданин присоединялся к какой-нибудь партийной программе, становился членом целого, которое фактически играет в государстве политическую роль. Режим партий дает организацию, построенную не на действительных социально-экономических интересах и потребностях, но на «принятии программы». Не потеряло актуальности и сегодня следующее наблюдение Алексеева: партийные программы строятся обыкновенно по принципу: «Кто больше пообещает» – людей объединяют неосновательные обещания, пробужденная ими жадность, надежды в будущем поживиться и получить больше. Политическая жизнь в этом случае лишена здоровья и чистоты. В противоположность всему указанному советская система, по крайней мере, в принципе своем, покоится на представительстве чисто реальных и профессиональных интересов, группирующихся около «советов» как основных ячеек республики [21].

Однако вопрос о том, могла ли эта прочная стабильная власть сразу принять последовательно демократические фор-

мы, до сих пор остается одним из самых спорных и животрепещущих. Существует даже точка зрения, что русский менталитет воспринимает политическое единство, соборность как политический лозунг и идеал, который не воплощается непосредственно в системе каких-то властных учреждений, а реализуется и функционирует как духовный фундамент отделившейся от народа и противопоставленной ему власти. Подобной идее сложившаяся система Советов действительно отвечала [22].

Иной точки зрения, например, придерживался Н. А. Бердяев, считавший, что большевизм «воспользовался русскими традициями деспотического управления сверху и вместо непривычной демократии, для которой не было навыков, провозгласил диктатуру, более схожую со старым царизмом» [23]. А в той чрезвычайной обстановке диктаторские методы, применявшиеся вместо элементарных демократических норм, были понятны даже тем, против кого направляла новая власть карательные отряды. Характерный пример тому – крестьянский съезд лета 1918 года в городе Ельце, участников которого местные большевистские власти приказали арестовать и подвергли обстрелу только за то, что делегаты отказались признать себя большевиками. Однако в деревнях большое впечатление произвела не стрельба в делегатов, а обмолвка в ходе этих событий комиссара о том, что совет собирается «кур обложить налогом» [24].

Однако главная опасность заключалась не столько в самих чрезвычайных мерах, до цинизма извращаемых на местах, не в предельной централизации власти, а в отождествлении этих мер, во

многом вызванных гражданской войной, с началом заранее запланированных социальных преобразований, тем более что лидеры большевиков, видя недостаточность предпосылок социализма внутри страны, долгое время большие надежды возлагали на мировую революцию. А до ее начала компенсировать эти предпосылки представлялось возможным лишь через максимальную мобилизацию всех ресурсов, сверхцентрализацию сил и власти.

Как уже говорилось выше, с весны, а особенно с лета 1918 года, шло неизбежное в тех условиях перераспределение власти в сторону центральных органов. Сужалась сфера демократии – от демократии для всех трудящихся – к преимущественно пролетарской (что и закрепила Конституция), а затем и к внутрипартийной демократии. Усиливалась централизация и в самой РКП (б). В условиях постоянного недостатка ресурсов разросся и приобрел огромное влияние бюрократический слой, занимавшийся распределительными функциями. В стране утверждалась мощная бюрократическая система, при которой тонкий слой руководителей партии и государства стал свободен от контроля снизу и обладал огромной властью. Следствием этих процессов был отрыв партии и Советов от масс, отстранение трудящихся от принятия решений. Эти тенденции привели к тому, что к 1926 году Сталин объявил Советы всего лишь массовой организацией между профсоюзами и кооперацией. Демократические институты в России начала 30-х годов становились всего лишь ширмой, прикрытием для нараставших авторитарных тенденций.

Библиографический список

1. См.: Боффа Дж. История Советского Союза Т. 1. М., 1990. С. 64.
2. Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В. Послушная история или новый публицистический рай // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 29.
3. См., напр.: Медведев Р. Трудная весна 1918 // Волга. 1989. № 1, 2.
4. Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 года: Стенографический отчет. М., 1962. С. 171.
5. Известия ЦК КПСС. 1989. №3. С. 106. С. 150-151.
6. См.: Отечественная история. 1993. № 1. С. 159-160.
7. Там же. С. 160-161.
8. Чернов В. Советы в нашей революции // Год русской революции. М., 1918. С. 65.

9. Открытое письмо Марии Спиридоновой Центральному Комитету партии большевиков // Родина. 1990. №5. С.49.
10. Проигравшие // Родина. 1990. №7. С. 74.
11. Мартов Ю.О. «Создается возможность образования государства в государстве...» // История России. 1917-1940: Хрестоматия / Сост.: В.А. Мазур и др.; под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1993. С. 126-128.
12. Там же.
13. Дан Ф.И. «Вся советская система парализована» // История России. 1917-1940: Хрестоматия / Сост. В.А. Мазур и др.; под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1993. С. 130-131.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 428.
15. Там же. С. 616.
16. См.: Хрестоматия по истории КПСС / Сост. В.К. Горев и др. М., 1989. С. 348.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 32.
18. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова (август 1917 г. – апрель 1918г.) М., 1991. С. 147-148.
19. См.: Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. № 1. 1993. С. 6-7.
20. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 338-339.
21. Там же. С. 338-353.
22. См.: Бирюков Н., Сергеев В. Демократия и соборность: представительная власть в традиционной российской советской политической культуре // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 65.
23. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114.
24. Пришвин М. Дневник. 1918 г. // Литературная учеба. 1991. Кн. 4. Июль-август. С. 80-83.